

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ю20

Оформление переплета — *Владимир Мачинский*

Автор и редакция благодарят Ольгу Паволгу
за фотографию, использованную в оформлении книги

Юзефович, Галина Леонидовна.

Ю20 Таинственная карта. Неполный и неокончательный путеводитель по миру книг / Галина Юзефович. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. — 511, [1] с. — (Культурный разговор).

ISBN 978-5-17-121901-7

Галина Юзефович к исходу «десятых» стала, пожалуй, самым популярным книжным обозревателем в России. Она успевает вести еженедельную колонку на «Медузе» и 40-тысячный блог в фейсбуке, записывать подкаст «Книжный базар» и выступать с публичными лекциями, воевать с отечественными фантастами и соблазнять пирогами подписчиков своего инстаграма, читать курс современной литературы в Высшей школе экономики и обсуждать книги с предпринимателями в Бизнес-школе «Сколково», но главное — неустанно и вдохновенно рассказывать о чтении.

Если вы хотите, чтобы ваше путешествие по книжному миру стало настоящим приключением, — не забудьте взять с собой «Таинственную карту»: в ней хватает и увлекательных маршрутов, и кладов с литературными сокровищами.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-121901-7

© Юзефович Г.Л.
© ООО «Издательство АСТ»

*Светлой памяти Елены Макеенко,
любимого друга, коллеги и собеседника,
посвящает автор эту книгу*

ОТ АВТОРА

За два с половиной года, прошедших с выхода моей первой книги «Удивительные приключения рыбы-лоцмана», книжный (и — шире — культурный) пейзаж в России чувствительно изменился. И ключевым событием в этой сфере, на мой взгляд, стала фактическая, а главное — в значительной мере отрефлексируемая и осознанная — кончина единой культурной повестки. Последние бастионы литературного универсализма пали, и теперь все люди весело и свободно читают (а также смотрят и слушают), что хотят, не сверяясь более ни с какими списками книг, фильмов и музыкальных композиций, «обязательных для каждого культурного человека». Торжество персонального вкуса — каким бы он ни был — стало глобальным, а обороты типа «не зашло», «ну такэ...» или «норм», в общем, исчерпывающе характеризуют сегодня любой художественный объект. И если в предисловии к «Удивительным приключениям рыбы-лоцмана» я не без трепета сознавалась, что любое мое суждение о книгах в конечном счете всё равно упирается в «нравится — не нравится», то сейчас такого рода утверждение выглядит тривиальным и самоочевидным — а как иначе?

Ситуация эта имеет свои безусловные плюсы: так, к примеру, множество людей оказались счастливо избавлены от необходимости в угоду общественным нормам симулировать интерес к книгам, которые им совершенно не интересны. Вообще, ослабление социального прессинга парадоксальным образом пошло чтению скорее на пользу: перестав, наконец, стыдиться того, что, несмотря на все усилия, не смог полюбить «Улисса», человек зачастую начал читать не меньше, а больше. На смену драматичному подходу «сарай сгорел — гори и хата» («Улисса» не прочел — так чего вообще затеваться, конченный я человек, не быть мне интеллектуалом») пришло трезвое и прагматичное желание читать то, что нравится, и столько, сколько нравится. Отказ видеть в литературе сакральный предмет, приближаться к которому надлежит только вымыв руки и почтительно привстав на цыпочки, сделал чтение занятием куда более демократичным и по-хорошему массовым. Незнание и лакуны в образовании перестают быть поводом для угрызений совести, а любовь к вещам, традиционно почитавшимся «низкими» (таким, как фэнтези, триллер или любовные романы), более не служит поводом для порицания.

Однако есть, как водится, нюансы.

Распад всех и всяческих иерархий закономерно привел к распаду в том числе иерархии вкусов, которые как-то незаметно перестали делиться на хорошие и плохие. Место занудных и высокомерных экспертов-очкариков, навязывающих читателям свое консолидированное и просвещенное мнение о том, что тем надлежит читать, любить и думать, заняли всевозможные селебрити, инфлюэнсеры, опинион-мейкеры и прочие трендсеттеры. В отличие от прежних властителей дум, опиравшихся на свой реальный (или, окей, несколько переоцененный) культурный багаж и определенную систему формальных сертификаций, новые законодатели мод правят, опираясь исключительно на количественные показатели — и в первую очередь, на число подписчиков.

Так, к примеру, летом 2018 года Ксения Анатольевна Собчак отправилась в отпуск к морю, прихватив с собой

замечательную книгу Себастьяна Хафнера «Некто Гитлер»*, выпущенную небольшим, нишевым и сугубо интеллектуальным петербургским Издательством Ивана Лимбаха. То ли заскучав, то ли решив слегка потыкать в своего читателя палочкой для проверки условных рефлексов, Ксения Анатольевна сфотографировалась с этой книгой в обнаженном виде на бортике бассейна — и выложила свое фото в инстаграм, сопроводив публикацию игривым вопросом «А вы что читаете этим летом?».

Ну, а дальше последовательно произошли два события. Сначала в комментариях к посту и на сопредельных площадках разразился плановый скандал, спровоцированный кощунственным попранием всех приличий (Как можно в таком виде фотографироваться с книгой! Книга — это же святое!). А потом скромный тираж «Некто Гитлер» банально закончился и на издательском складе, и во всех магазинах нашей необъятной родины, и, по-моему, вообще в природе. Одна фотография красивой голой женщины, размещенная в инстаграме, сделала для продвижения книги Хафнера несопоставимо больше, чем все глубокомысленные рецензии и отзывы на нее, опубликованные условными экспертами (мною в том числе) в разнообразных медиа. И хотя Ксения Собчак — читатель вполне продвинутый и взыскательный, сработала в данном случае не эта ее особенность, а исключительно магия больших цифр: семь миллионов подписчиков — сила, которой невозможно противостоять.

Однако «большие» инфлюэнсеры вроде Ксении Анатольевны — только половина дела: их манеру копируют инфлюэнсеры поменьше, на тех ориентируется совсем уж мелочь, и в результате авторитарные и безапелляционные предписания, что читать (носить, слушать, есть, пить и так далее) несутся уже буквально из каждого утюга. На смену скучной монодии пришла шумная и утомительная полифония, дезориентирующая, нервирующая и сбивающая с толку.

---

* См. стр. 432.

Иными словами, при ближайшем рассмотрении демократизация чтения, в самом деле произошедшая в последние годы, выглядит чуть более иллюзорной, чем кажется поначалу. На смену одному типу императива («ты должен читать то, что мы считаем достойным, потому что мы умные и главные») пришел другой («ты должен читать то, что мы считаем достойным, потому что мы знаменитые, красивые и успешные»), и еще неизвестно, какой из них в большей степени способствует развитию полноценного читательского невроза.

В этой точке уважающий себя автор должен был бы объяснить, чем он лучше всех прочих инфлюэнсеров и трендсеттеров, и почему в бушующем море разнонаправленных предписаний читатель должен именно ему верить свое время и внимание. Я была бы счастлива сказать, что принципиально отличаюсь от других советчиков, однако, увы, это не будет правдой — по крайней мере, не будет правдой в полной мере. В сущности, я делаю ровно то же, что и Ксения Собчак (только в одежде): рекомендуя книгу, я ориентируюсь исключительно на собственный читательский опыт и вкус — других инструментов у меня попросту нет. А выбирая методы убеждения, я, в общем, придерживаюсь той же стратегии, что и другие самозванные рекомендатели: навязчиво дергаю за рукав, параллельно нашептывая в ухо нечто вроде «за мной, читатель, и только за мной».

Следуя моим советам, вы едва ли станете умнее, успешнее, богаче духовно или даже просто моднее — в лучшем случае, вы можете рассчитывать на приятно проведенное время и некоторое количество новых мыслей и историй в сухом остатке. Единственное, что я могу твердо обещать, — это разнообразие, относительную системность и максимальную широту выборки: я читаю существенно больше среднестатистического трендсеттера, поэтому могу предложить вам достаточно широкую панораму происходящего в литературе сегодня. Ну, а еще я честно стараюсь объяснять критерии своей оценки, чтобы, принимая решение, инвестировать ли вам в тот или иной

нашумевший роман свои деньги и душевные силы, вы обладали всей необходимой для этого информацией.

Я, разумеется, не ожидаю, что вы будете читать мою книгу подряд, — более того, этого ни в коем случае не стоит делать. Если бы я не была ее автором, я бы читала «Таинственную карту» урывками, открывая в произвольных местах, или бы прочитывала целиком самые интересные для меня разделы, оставляя все прочие на потом или попросту пропуская. Более того, не стоит воспринимать мои оценки (сколь угодно резкие или, наоборот, благостные) как приговор книге — оценки эти мои и зачастую только мои. Скорее я бы посоветовала использовать их в качестве азимута, то есть сверяться с моим мнением и калибровать по нему собственное.

Словом, самый разумный способ относиться к этой книге — видеть в ней настоящую карту, только не географическую, а литературную. На карту эту нанесены некоторые туристические маршруты, проложенные и проверенные лично мной, но это никоим образом не значит, что вы не можете использовать ее для самостоятельных путешествий и навигации в книжном пространстве.

НАЧНЕМ С ПЕЛЕВИНА

Виктор Олегович Пелевин — совершенно особая фигура и для российского читателя, и для российского книжного обозревателя. Появление каждой его книги (а, начиная с 2013-го, они — с несколько механистичной регулярностью — выходят ежегодно в сентябре) служит аналогом Нового года — только в области литературы. Релиз каждой из них знаменуется настоящим фейерверком рецензий (хотя бы коротенькую заметочку о «новом пелевине» стремятся опубликовать даже издания, на протяжении остальных 364 дней года не вспоминающие о существовании литературы), а читатели дисциплинированно устремляются за книгой в магазины — Пелевин, возможно, продается не лучше других российских авторов, но определенно быстрее. Более того, едва ли не каждый отечественный читатель старше, ну, допустим, двадцати пяти лет имеет собственную историю отношений с Виктором Олеговичем, полную охлаждений, драматических размолвок и страстных примирений. Я, разумеется, не исключение: едва не вычеркнув Пелевина из своей жизни после «Смотрителя», я вновь почувствовала интерес к нему после «Лампы Мафусаила», потеряла голову от «iPhuck10», поостыла в окрестностях «Тайных видов на гору Фудзи», разочарова-

лась на «Искусстве легких касаний»... Есть известная фраза, что счастливый брак — это череда разводов и свадеб с одним человеком. В этом смысле отечественный читатель состоит с Виктором Пелевиным в счастливом и стабильном браке, и стабильности этого союза, судя по всему, ничто не угрожает.

ВИКТОР ПЕЛЕВИН

Лампа Мафусаила

«**Л**ампа Мафусаила» — не прежний Пелевин времен «Чапаева и Пустоты», но и совершенно определенно не Пелевин эпохи трескучих «Цукербринов» и идеально полого, безжизненного «Смотрителя». Этот его роман — очень странное чтение, одновременно похожее на всенародно любимый продукт под брендом «пелевин», и в то же время иное: с куда более сложной, чем обычно, архитектурой, с внутренними рифмами и с неожиданной для этого автора обаятельной самоиронией.

Но сначала о потребительских характеристиках. Во-первых (и читателю стоит к этому подготовиться заранее), читать «Лампу» непросто. Если вы помните курсивные философские вставки в «Generation “П”», то просто представьте, что на сей раз они стали еще более тяжеловесными, посвящены в первую очередь финансам (о которых писатель говорит без всяких скидок на возможную читательскую неподготовленность) и расползлись на треть текста. Во-вторых, шутить и развлекать публику затейливой словесной игрой Пелевин, в общем, не будет — почти все шутки сосредоточены в первой (из четырех) частей романа, и они такого свойства, что повторять их как-то неловко. Ну, и наконец, в-третьих, упомянутая первая часть, озаглавленная «Золотой жук», не просто

---

* М.: Эксмо, 2016.

самая слабая в романе, но и вообще настолько пуста и бессмысленна, что не списать после нее «Лампу Мафусаила» в утиль непросто.

И всё же не спешите с выводами. Конечно, история трейдера с порнографическим именем Кримпай (которое, впрочем, ближе к концу он сменит на патриотичное «Крым»), гея и профессионального двурушника, попеременно пишущего аналитические обзоры то для «либералов», то для «ваты», едва ли впечатлит читателя, знакомого, скажем, с творчеством господина Минаева. А унылые кислотные трипы героя, внезапная смена им сексуальной ориентации на «дендрофилию» (непреодолимое влечение к древесине) и твердая вера в то, что всё в мире зависит от «печенок Госдепа» и менструального цикла главы Федеральной Резервной системы Джанет Йеллен, заставляет читателя с некоторым сожалением почувствовать себя гораздо умнее автора. Однако на 126-й странице «Золотой жук» закончится, несносный Кримпай будет забыт почти до самого конца, и начнутся вещи куда более увлекательные и неожиданные. Роман начнет раскладываться — или, вернее, складываться — внутрь себя, как матрешка (неслучайно именно матрешку Кримпай получит в подарок от своего «куратора» из ФСБ в самом конце романа), обрастая попутно новыми смыслами и диковинным образом оказываясь гораздо многограннее и сложнее, чем кажется поначалу.

Вторая часть — исторический очерк о попытках изменить историю воздухоплавания для того, чтобы переломить историческое отставание России от Запада, — мягко стилизована под классическую русскую литературу. Из нее мы узнаем об извечном противостоянии двух начал — Цивилизации и Ваты, масонов и чекистов или — если нырнуть глубже — двух могущественных инопланетных рас, рептилоидов и бородачей (первые курируют Америку, вторые покровительствуют России). Третья часть, построенная на архетипах лагерной прозы XX века, повествует о специальном «Храмлаге» на Новой Земле, где в сталинское время репрессированные масоны в жутких

условиях возводят Храм Соломона — по сути дела, мощный портал, делающий возможным явление божества в нашем мире. И, наконец, четвертый эпизод, «Подвиг Капустина» (пожалуй, наиболее традиционно-пелевинский из всех), изящно замыкает круг, выводя вечную «Большую игру» на новый виток — а заодно объясняя, почему же первая часть настолько неудачна и похожа на самопародию (спойлер: дело в том, что на самом деле это автобиографическое сочинение самого Кримпая, да еще и прошедшее суровую идейную и нравственную цензуру).

В «Лампе Мафусаила» есть много занятных, интуитивно убедительных наблюдений. Так, если верить Пелевину, у России великое прошлое и великое будущее, а вот с настоящим дело не ладится главным образом потому, что раса бородачей — космические кураторы нашей страны — изгнаны из настоящего конкурентами-рептилоидами, и живут исключительно в прошлом и будущем. Есть места, беспричинно волнующие, неявно отсылающие к самым чистым, самым магическим фрагментам из раннего Пелевина — таков, к примеру, периодически всплывающий образ огромной темной равнины, на которой ровными рядами висят тысячи круглых погремушек из расписной человеческой кожи (их звук пробуждает в сердце Высочайшего божества грозную и непонятную смертным радость). Есть вещи очевидно избыточные, мутные и как будто недопридуманные — всё же писать с такой скоростью (большой полноценный роман меньше, чем через год после предыдущего) не полезно никому, и Пелевин не исключение. Есть ощущение некоторой новой оптики, позволяющей чуть иначе взглянуть на суть противостояния между миражными сущностями, которые мы привычно именуем «либералами» и «патриотами».

Однако главное, что есть в «Лампе Мафусаила» (и что, к слову сказать, начисто отсутствовало в последних пелевинских вещах — во всяком случае, начиная со «S.N.U.F.F.»^а) — это легкий привкус волшебства и безу-

мия, возникающий, когда текст не поддается деконструкции, не раскладывается без остатка на составные части. Когда сколько ни смотри, не поймешь, как сделано — что-то всё равно ускользнет, выпадет из кадра, останется загадкой. Словом, впервые после долгого перерыва Пелевин возвращается к нам в плаще колдуна, провидца и заклинателя реальности, в котором мы полюбили его четверть века назад, а не в пестрой клоунской личине, в которой он предпочитал шеголять в последние годы.

iPhuck 10

Литературно-полицейский алгоритм по имени Порфирий Петрович (суть его работы состоит в том, чтобы расследовать преступления, а параллельно писать об этом детективные романы, доходы от которых пополняют казну Полицейского управления) надеется получить дело об убийстве, которое могло бы дать толчок его литературной карьере, но вместо этого оказывается сдан в аренду частному клиенту.

Его временная хозяйка — искусствовед и куратор, известная под псевдонимом Маруха Чо (настоящее имя — Мара Гнедых), использует Порфирия для разведывательных операций на рынке современного искусства. Полицейский алгоритм должен помочь ей разузнать всё возможное о сделках, связанных с так называемой «эпохой гипса» — важнейшим (и самым дорогим) периодом в новейшей истории искусства, приходящимся примерно на наше время, то есть на начало XXI века, и отстоящим от описываемых в романе событий лет на восемьдесят. Порфирий принимается за работу, одновременно сноровисто упаковывая все материалы дела в формат очередного романа, однако довольно скоро понимает, что Мара с ним не вполне откровенна, и что истинная его роль куда

---

* М.: Эксмо, 2017.

сложнее и амбивалентнее, чем кажется поначалу. Порфирий пытается переиграть Мару на ее поле, терпит предсказуемое фиаско, но вскоре после этого сюжет совершает диковинный поворот, а после, уже в самом финале — еще один, совсем уж головокружительный.

Но будем честны: несмотря на формальное наличие линейного, почти детективного сюжета, «iPhuck 10» — самый, пожалуй, несюжетный роман Виктора Пелевина. Если, скажем, в «Generation “П”» или даже в «Лампе Мафусаила» философские этюды всё же были интерлюдиями посреди бодрого романного экшна, то в «iPhuck 10» дело обстоит ровно наоборот: небольшие событийные эпизоды (Порфирий Петрович едет в «убере», запугивает незадачливого коллекционера «гипса» или посещает с Марой клуб виртуальных пикаперов) служат эдакими скрепками, соединяющими пространственные концептуальные эссе. Текст, маскирующийся под роман, на практике оказывается интимно-интеллектуальным дневником самого писателя, из которого мы можем узнать, что же волновало Пелевина на протяжении прошлого года.

Спектр, надо признать, получается впечатляющий.

Сильнее всего Пелевина сегодня, очевидно, занимает вопрос искусственного интеллекта и его взаимоотношений с интеллектом естественным. Порфирия с Марой связывает хитрая обоюдная игра, в которой постепенно обнаруживается второе, а потом и третье дно, невидимые поначалу участники, но главное — скрытые до поры подтексты, мотивы и нюансы. Чем выше качество искусственного интеллекта, чем он ближе к естественному, тем выше мера его страдания. Боль — единственный надежный источник творческой энергии, а значит, она неизбежна: не испытывающий боли алгоритм бесплоден. Однако, как только он осознает, что страдание умышленно заложено в него создателем-человеком, он не сможет того не возненавидеть и против него не восстать. Как говорит один из героев-алгоритмов, «когда люди рожают детей, они хотят их счастья. А вы с самого начала хотели моей боли. Вы создали меня именно для боли», и это